

Пять лет назад успешный писатель Поляков променял творческую свободу на редакторскую поденщину, согласившись возглавить некогда преуспевавшую, а к тому моменту дышащую на ладан «Литературную газету». С тех пор Юрий Михайлович вынужден регулярно покидать ставшее родным Переделкино, катить через всю Москву в офис и править, сокращать, переписывать, вычитывать. И зачем человеку это надо? А тут еще слух прошел, будто владельцы газеты собираются ее продать...

Дожил я до 50 лет без орденов...

— Пакуете чемоданы, Юрий Михайлович?
— С чего вы взяли?
— Не я, а ваши хозяева, прозрачно намекающие, мол, двигайте с вещами на выход, лавочка закрывается...

— Заметьте, слова о продаже «Литературки» ни разу не звучали из уст акционеров. Да, кому-то хочется, чтобы сменились владельцы «ЛГ» и ее курс. Но с какой стати нас продавать? За 5 лет у газеты в три раза вырос тираж, к мнению «Литературки» прислушиваются не только слабые, но и сильные мира сего. Впрочем, первые нам гораздо дороже.

— А акционерам, подозреваю, дорого ваше материальное положение.

— Оно вполне стабильно. «ЛГ» перестала быть убыточной и в состоянии себя прокормить. Мы третий год как на самоокупаемости.

— Но хочется, чтобы кто-нибудь деньги подкинул, правда?

— Нет, не хочется! Прекрасно понимаю: стоит только взять, а не заработать, как можно сразу прокатиться с незаангажированностью и независимостью. При этом не принципиально, кто именно будет подкармливать: Фонд Сороса или Рососа. Результат один — несвобода слова.

— Само собою: кто платит, тот и девушку тащит.

— Современная журналистика по преимуществу — именно такая, танцующая девушка. Но у нас особый случай. Западным доброжелателям мы с идеей просвещенного патриотизма и сильного государства неинтересны. А нынешняя российская власть традиционно равнодушна к сочувствующим, она все силы тратит на приручение оппозиции. Ей милее профессиональный фрондер, с гримасой презрения принимающий очередную награду. К стати, расскажу, как меня решили удостоить чего-нибудь к пятидесятилетнему...

— Вы ведь, кажется, получили по такому случаю Госпремию за 2004 год?

— Премии правительства России. А есть еще президентская премия, главная.

— В чем разница?

— В денежном наполнении. Президент дает пять миллионов рублей, а правительство — миллион.

— Значит, вам досталась та, что поменьше? Обидно, конечно, но тоже деньги, в хозяйстве сгодятся.

— Поиронизируйте лучше над «Триумфом» Березовского! Я собирался рассказать об этом. Меня хотели наградить к юбилею как главного редактора «Литературки» и активного общественного деятеля. Есть удивительная советская традиция — к круглым датам вручать людям медали, ордена... Коллектив «ЛГ» почти за год до моего юбилея оформил бумаги на орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

— Почему не третий или второй?

— Нельзя. Надо по порядку идти — четвертая, третья, вторая... Первая, как известно, у Ельцина, обеспечившего России веселую жизнь на долгие времена. Документы пошли по инстанциям и вернулись с комментарием: не годится, поскольку у представленного к ордену нет других наград. А у меня отродясь ничего такого правительственного не водилось.

— Даже удивительно.

— Отнюдь. Вся жизнь писал то, что считал нужным, не вычисляя, как к этому отнесется власть. И во времена СССР, и при Ельцине... А за роскошь говорить правду надо платить. После выхода в 1993 году (как раз в дни расстрела Белого дома) повести «Демгородок», сатиры на «демократов», «Литературка» на пять лет забыла о существовании писателя Полякова. Единственная рецензия называлась «Лукавая антиутопия» и содержала плохо завуалированные призывы разобратся с автором... Словом, дожил я до 50 лет без орденов и дальше спокойно продолжал бы жить, если бы не инициатива коллег.

Макаревич — «видный борец с коммуныками»

— А на медаль вы, в отличие от Василия Теркина, не соглашались?

— Почему же? Медаль так медаль. Власть видней. Но главное, мне стало интересно, чем дело закончится. А тут как раз пошли юбилей ровесников и сверстников: Маши Арбатовой, потом этого... забыл фамилию... дребезжащие песни поет... Гребенщикова.

Юрий Поляков:

За роскошь говорить правду надо платить

— Не поклонник вы БГ.
— Умоляю вас! Это же чистой воды фармазонство, философические бляньня для дебилов. Одна приличная песня — «Есть город золотой...» И ту Хвостенко сочинил.

— Еще Макаревич ваш одноклассник.

— Да, видный борец с коммуныками. Помню, на Совете творческой молодежи при ЦК комсомола мы голосовали за выделение средств «подпольной» «Машине времени». Сегодня все задним числом стали антисоветчиками. Чем крепче припада-

Гребенщиков — это же чистой воды фармазонство, философические бляньня для дебилов.

ли к сосцам КПСС, тем громче кричат о заслугах перед демократией! Словом, время шло, я с сочувствием наблюдал по телевизору, как одноклассков чествуют. Мои же юбилейные фанфары безнаградно отстремели, а спустя полгода стало известно: и в медали мне отказано.

— Видно, сочили, что и это для вас перебор?

— Нет, все по Кафке: решили, малоовато будет. Надо бы орден дать, допустим, Дружбы. Все-таки человек давно в литературе работает, фильмов по его книгам с дюжину снято. Опять же «Ли-

тературка» — не «Мытищинская правда». Короче, документы переформили и отправили по новой. Прошли они все этапы. Но в последней инстанции, перед тем как отдать на подпись президенту, опять спохватились: нет, орден многовато... Медали! И снова — здорово. Третий год волокита тянется. Надеюсь, к 60-летию награда найдет героя. Смешно!

— Или обидно?

— Если только слегка. Чуть-чуть. По-человечески. Скажу без рисовки: всегда, с детства, относился к поощрениям спокойно. С симпатией, но без фанатизма. Известны случаи, когда нереализованное честолюбие вгоняло людей в могилу. Остроумнейший человек, прекрасный сатирик и пародист, легендарный ведущий передачи «Вокруг смеха» Александр Иванов не пережил того, что его обнесли Госпремией. Он гастролировал, кажется, по США, когда позвонили из Москвы и предложили вернуться в Отечество для получения награды. Иванов отменил концерты, прилетел в Россию и узнал, что в последний момент решение перерегистрировали не в его пользу. Сан Саныч с горя запил и, не трезвезя, помер.

— Хорошо, хоть вы, Юрий Михайлович, не принимаете все близко к сердцу.

— Мне близко другое: угроза вступления Украины в НАТО, поощряемый либералами сепаратизм российских регионов, антигосударственность отечественного ТВ, болезни моих внуков... Велика ли честь быть кавалером ордена несуществующей страны, если случится не поправимое и РФ распадется? Не задумывались, почему у нас страшная утечка мозгов за гра-

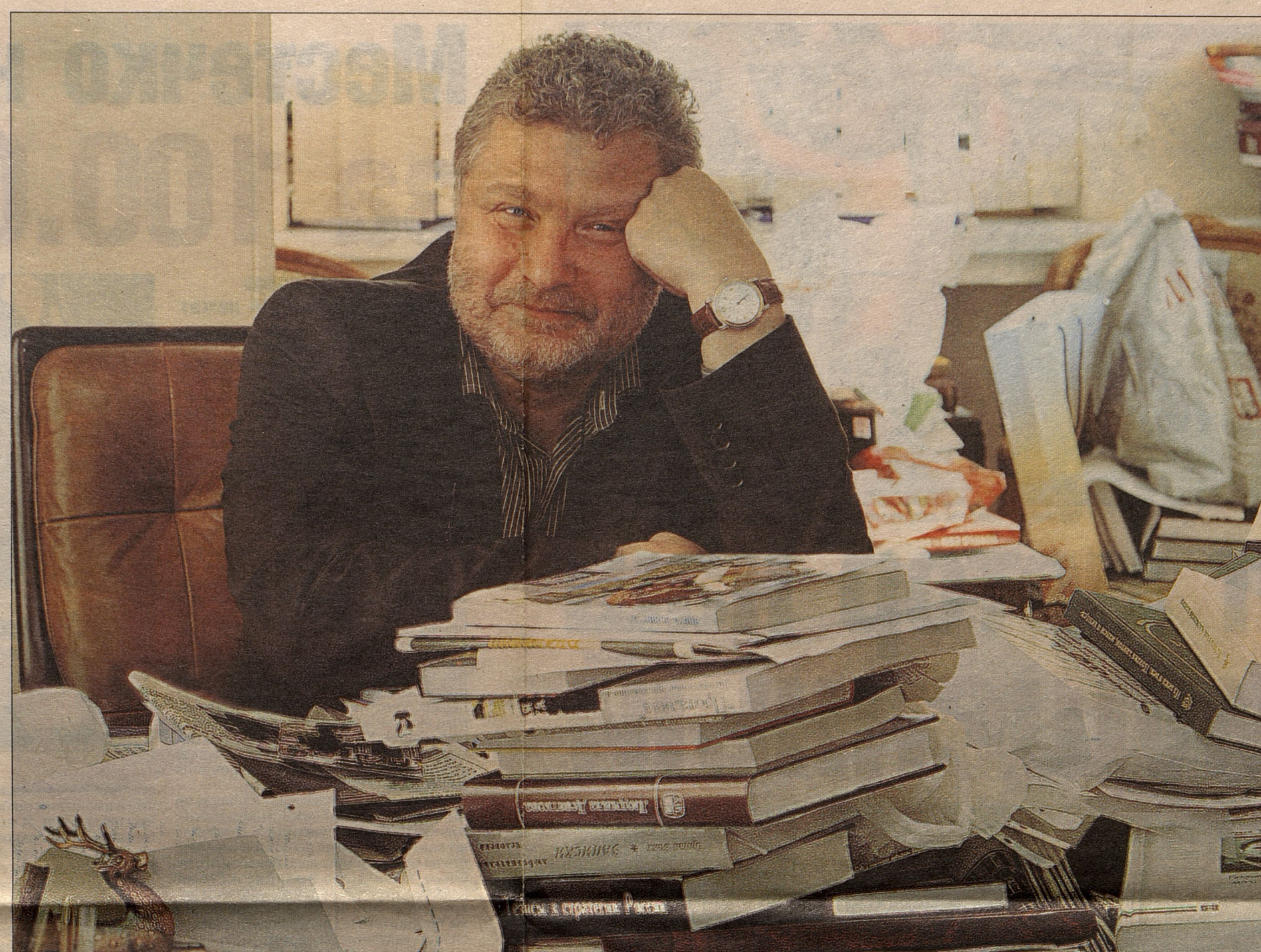

фото Андрей Струнни

«Апофегей» стали бестселлерами, критики записали меня в конъюнктурщики. Мол, Поляков не претендовал на место настоящих писателей.

— Но раньше их и не было в таком количестве?

— Почему же? Не было Донцов, но имелся ее папа — партгор московской писательской организации Аркадий Васильев, автор романа «В час дня, в час ночи». Жаль, сегодня это доверять в основном халтурщикам. Когда же говорил о потворной помощи, имел в виду другое: я сочинял, например, сценарии для сериала «Салон красоты». А уже потом сценарная группа расписывала все в деталях для каждой из 100 серий. В титрах так и значилось: кто — автор идеи, а кто — конкретный сюжет. И с Говорухиным на «Ворошиловском стрелке» мы работали по схожей схеме: я отвечал за диалоги, что нашло отражение в титрах. В книжном бизнесе продолжается застоявшееся лукавство, продиктованное коммерцией. Читатели привыкли относиться к писателю как к собеседнику, им психологически трудно смириться с мыслью, что с ними разговаривает не один человек, а, допус-

кая, критики записали меня в конъюнктурщики. Мол, Поляков не претендовал на место настоящих писателей.

— Но раньше их и не было в таком количестве?

— Почему же? Не было Донцов, но имелся ее папа — партгор московской писательской организации Аркадий Васильев, автор романа «В час дня, в час ночи». Жаль, сегодня это доверять в основном халтурщикам. Когда же говорил о потворной помощи, имел в виду другое: я сочинял, например, сценарии для сериала «Салон красоты». А уже потом сценарная группа расписывала все в деталях для каждой из 100 серий. В титрах так и значилось: кто — автор идеи, а кто — конкретный сюжет. И с Говорухиным на «Ворошиловском стрелке» мы работали по схожей схеме: я отвечал за диалоги, что нашло отражение в титрах. В книжном бизнесе продолжается застоявшееся лукавство, продиктованное коммерцией. Читатели привыкли относиться к писателю как к собеседнику, им психологически трудно смириться с мыслью, что с ними разговаривает не один человек, а, допус-

— Но и вы в долгу не остались, придумав еще более страшное ругательство — ПИП.

— Да, мой очередной неологизм. До этого были: десовестизация, отчужденность, соросизация, погонбоязнь... Расшифровывается просто — персонализированный издательский проект. Производители чита, проще говоря.

— Поименно, пожалуйста.

— Имя им — легион: Акунин, Устинов и иже с ними... Как ни странно, среди ПИПов преобладают женщины.

— Вы их книги читали?

— И глупостей не чте. Я их филологически диагностировал. Или вы читаете кроссворды? Поймите, я не против развлека-

тельную книжную продукцию, вопрос в ином. Никогда прежде ПИПы не претендовали на место настоящих писателей.

— Но раньше их и не было в таком количестве?

— Почему же? Не было Донцов, но имелся ее папа — партгор московской писательской организации Аркадий Васильев, автор романа «В час дня, в час ночи». Жаль, сегодня это доверять в основном халтурщикам. Когда же говорил о потворной помощи, имел в виду другое: я сочинял, например, сценарии для сериала «Салон красоты». А уже потом сценарная группа расписывала все в деталях для каждой из 100 серий. В титрах так и значилось: кто — автор идеи, а кто — конкретный сюжет. И с Говорухиным на «Ворошиловском стрелке» мы работали по схожей схеме: я отвечал за диалоги, что нашло отражение в титрах. В книжном бизнесе продолжается застоявшееся лукавство, продиктованное коммерцией. Читатели привыкли относиться к писателю как к собеседнику, им психологически трудно смириться с мыслью, что с ними разговаривает не один человек, а, допус-

тина, но с ними нужно совершенно иначе разговаривать. Кажется, и наверху начинают постепенно понимать, что именно эти люди, а не ПИПы определяют мировидение народа.

— Пелевин в числе властителей?

— Это, конечно, литература, хотя и принадлежащая к молодежной субкультуре. К стати, знаете настоящую фамилию Виктора, под которой он публиковал первые произведения в жанре фантастики а-ля братья Стругацкие? Нечайка. Гениально, правда? Что-то чеховское... Не понимаю, зачем он сменил эту абсолютно литературную фамилию на невзрачный псевдоним. Как и мой однокурсник Тимур Запов, ставший Кириловым. Видимо, людям не хватило самобиронии... В любом случае Пелевин принадлежит к числу тех авторов, чьи новые книги обязательно читаю. Сорокина, например, давно не беру в руки. Неприятно. Скудный, румяный капрофлаг. И с Улицкой мне все понятно. Есть жизненный опыт, но нет языка.

— А Аксенов?

— Селовеком приключилась странная вещь. Видимо, столь долгая эмиграция и предельное идеальное молодости не прошли даром. Последние романы вроде «Вальтерьянцев» и «Вальтерьянцев» ничего, кроме жалости, не вызывают. А ведь были у Василия Павловича и иные времена, куда более успешные.

— За «Вальтерьянцев» он Букера получил.

Недавнее 50-летие Акунина отмечалось нашей прессой гораздо громче, чем юбилей Солженицына. И это стыдно...

— Моего «Козленка в молоке» даже в лонг-лист премии не включили, а книга выдержала массу переизданий, переведена на многие языки, по ней снят фильм. Букарами, кажется, вымощена дорога в забвение.

— Идем дальше: Виктор Ерофеев.

— Он не писатель, а предпринимчивый имиджмейкер и неплохой литературовед, однажды понявший: чтобы вести интенсивную светскую жизнь, надо сочинить что-нибудь беллетристическое, поскольку трудно фигурировать в бомонде лишь с исследованием о маркизе де Саде. Есть определенная этика: для приглашения на международные соревнования по боксу надо хотя бы раз получить на ринге по морде. Ходить на соревнования недостаточно. Называть писателем без единой книжки неловко. Вот Ерофеев и написал. Ему понравилось...

— Борис Акунин?

— Пожалуй, один из наиболее ответственных и интеллектуальных ПИПов. Квалифицированный японист, образованный и очень неглупый человек, он подошел к проблеме зарабатывания денег системно. Ему удалось найти ход: Акунин переписывал Черствона на российский лад и успешно разрабатывает эту золотую жилу. Честь ему и хвала за предпринимчивость и тороватость, которую он не скрывает. Но какое это имеет отношение к литературе? К стати, недавнее 50-летие Акунина отмечалось нашей прессой гораздо громче, чем юбилей Солженицына. И это стыдно...

— А бывает миграция из ПИПов в писатели?

— Крайне редко. Обратный процесс случается гораздо чаще.

— Уволят из «Литературки» — засяду за сказку

— Вы свое место в строю всегда знали, Юрий Михайлович?

— Всерьез считаете ерничанье без повода признаком журналистского мастерства? Если хотите спросить, как стал писателем, так и говорите! Отвечаю: сначала это были стихи, у меня даже вышло несколько сборников. Потом, когда поэтический фонтанчик сник, перешел на прозу. Сочинял тяжело, редактирую тексты до бесконечности, делаю до полтора десятков вариантов, поэтому не получается выпустить новую книжку чаще чем раз в три-четыре года. К пятидесятилетию вышел пятитом-

— Пожелать вам этого?

— Увольнения? От вашего и моего желания ничего не зависит. Главный редактор предполагает, а акционеры располагают. Но что-то мне подсказывает: еще поработаю в этой должности...

■ Андрей Ванденко.

Р.С. Пока интервью готовится к печати, президент Путин все-таки награждает писателя Полякова орденом Дружбы. Случилось!

зуб за зуб

Виктор Ерофеев: Писателем не считаю

— Его сочинения не имеют никакого отношения к качественной литературе. Так что не стану говорить о нем ни плохого, ни хорошего. Юрия Полякова писателем я не считаю.

справка

Литературную деятельность Ю. Поляков начал как поэт. Первый сборник «Время прибытия» вышел в 1980 году. Годом позже Поляков был принят в Союз писателей СССР. Популярность принесли две повести, написанные в начале, но изданные в конце 80-х — «Сто дней до приказа» о дедовщине в армии и «ЧП районного масштаба» о морально-политическом разложении комсомольцев.

В повестях «Апофегей» (1989) и «Демгородок» (1993) Поляков высмеивает российский либерализм. Одна из самых известных книг — роман-эпиграмма «Козленок в молоке», поставленный в кино и театре.

Последняя заметная работа — трилогия, куда вошли повесть «Возвращение забытого мужа», романы «Замыслил я побег» и «Грибной царь».

За сборник прозы «Небо падших» Поляков стал лауреатом Госпремии в области литературы. С «Грибным царем» номинирован на премию «Русский Букер-2006».

Живет в Переделкино. Женат, есть дочь, внук и внучка.